

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шуйская Ю.В., Калашникова М.В. «И зеленая лампа не погаснет...»: традиционные черты русской баталистики в романе М.Ю. Елизарова «Библиотекарь» // Филология: научные исследования. 2024. № 11. DOI:

10.7256/2454-0749.2024.11.72122 EDN: QBQEDE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72122

«И зеленая лампа не погаснет...»: традиционные черты русской баталистики в романе М.Ю. Елизарова «Библиотекарь»

Шуйская Юлия Викторовна

ORCID: 0000-0002-6752-3063

доктор филологических наук

профессор; кафедра журналистики, медиакоммуникаций и рекламы; Московский университет имени А.С. Грибоедова

111396, Россия, г. Москва, Зеленый пр-т, 66а, оф. 311

✉ shujskaya@yandex.ru

Калашникова Марина Владимировна

доцент; кафедра языкознания и литературы; Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации

111033, Россия, г. Москва, ул. Волочаевская, 3 строение 5, каб. 3809

✉ marinavlady5@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературный ряд"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.11.72122

EDN:

QBQEDE

Дата направления статьи в редакцию:

29-10-2024

Аннотация: Предметом исследования является изображение батальных сцен в романе Михаила Елизарова «Библиотекарь» в контексте традиций отечественной баталистики. Объектом исследования являются ключевые мотивы описания сражений, используемые в литературе от древнерусских повестей до описаний Гражданской войны и Великой Отечественной войны, в преломлении их в художественном мире Михаила Елизарова.

Авторы подробно рассматривают такие аспекты темы, как использование значимых реперных точек отечественной баталистики и своеобразную концентрацию их в текстах глав, посвященных битвам и сражениям. Особое внимание уделяется сгущению в тексте Елизарова межтекстового диалога с мотивами основных авторов классической отечественной литературы, писавших о войнах и битвах, а также имплицитные отсылки к их собственной судьбе – гибели на дуэли. В исследовании использован метод контекстуального и культурно-исторического анализа. Вычленены батальные сцены в тексте романа «Библиотекарь», описаны их значимые мотивы в связи с традициями отечественной баталистики. Основными выводами проведенного исследования являются выводы о присутствии в тексте романа Михаила Елизарова «Библиотекарь» коллажа из ключевых мотивов отечественной традиции батальных сцен, начиная с древнерусских текстов и заканчивая текстами о Гражданской и о Великой Отечественной войне. Особым вкладом авторов в исследование является прослеживание ретроспективной истории баталистики и вычленение ее ключевых мотивов. Роман Елизарова был экранизирован в 2023 году, что привело к повышению интереса к нему, а сцены битв в одноименном сериале были отображены максимально близко к тексту с использованием прямых цитат. Новизна исследования заключается в обращении к роману Елизарова именно в контексте баталистики: при значительном внимании к тексту в новейшем литературоведении указанный аспект ранее не рассматривался.

Ключевые слова:

интертекст, межтекстовый диалог, баталистика, Елизаров, семиотика, древнерусская литература, аллюзии, рецепция, Л.Н. Толстой, М.А. Шолохов

Изображение батальных сцен в отечественной литературе имеет давние традиции. Первые сцены боя описывались еще в древнерусских произведениях – например, в «Слове о полку Игореве», «Повести о покорении Рязани Батыем». К.А. Поташова, исследуя типовую схему баталистики в древнерусской литературе, отмечает формирование «канонического батального текста, организованного по единой композиционной схеме 'нашествие врага' – 'сплочение сил' – 'сражение' – 'победа', использующегося и при изображении в древнерусской литературе вторжения татаро-монгольского войска» [\[1, с. 3780\]](#). Обычно в древнерусских произведениях акцентируется героизм отдельных воинов (например, Евпатия Коловрата в «Повести о покорении Рязани») и скорбь о смерти погибших на поле боя. На протяжении XIV – XVIII веков описание сражений, как правило, наследовало паттерны, заложенные древнерусской литературой. В XVIII веке, как указывает А.Ю. Цицинов, сменился вектор описания и восприятия битвы как в публицистике, так и в художественной литературе: «записки о военных походах Смутного времени и XVII века во многом еще наследовали традицию древнерусской книжности и представляли собой некую смесь реального описания сражения или похода с его сакральной интерпретацией, наследуемой из традиции описаний походов античности и Средних веков. Бытописателя интересовали не столько подробности конкретной битвы, сколько ее семиотическое значение, и его текст был рассчитан не столько на современников, сколько на потомков. Для Петра I важно было принципиально иное: постоянно сталкиваясь с неприятием своих реформ и новаций, он намеревался упрочить свое положение через военные победы, слава о которых должна была распространяться в этом случае как можно быстрее» [\[2, с. 27\]](#). В свете публицистического, а впоследствии художественного освещения битв и сражений наследовалась соответствующая семиотика: конкретное сражение воспринималось не

только как сакральное, религиозно значимое действие, но и как патриотически окрашенная победа русского войска, умения, боевого духа.

Подъем интереса к баталистике в литературе XIX века был связан с войной 1812 года, а также с обращением к более ранним военным конфликтам в связи со столкновением с войсками Наполеона. Так, в поэме А.С. Пушкина «Полтава» внимание акцентировано не на действия людей, а на оружие, которое как бы самостоятельно сражается:

Катятся ядра, свищут пули;

Нависли хладные штыки.

...

Отряды конницы летучей,

Браздами, саблями звуча,

Сшибаясь, рубятся с плеча.

Бросая груды тел на груды,

Шары чугунные повсюду

Меж ними прыгают, разят,

Прах роют и в крови шипят.

[\[3, с. 498 – 500\]](#)

К «Полтаве» также восходит паттерн изображения битвы как хаоса, огромного количества движений и звуков, несущих «смерть и ад со всех сторон» [\[3, с. 500\]](#). Тот же паттерн наблюдаем в поэме «Бородино» М.Ю. Лермонтова:

В дыму огонь блестел,

Звучал булат, картечь визжала,

Рука бойцов колоть устала,

И ядрам пролетать мешала

Гора кровавых тел.

[\[4, с. 65\]](#).

Дальнейшее обращение к батальным сценам в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» приводит к формированию комплексной структуры освещения сражения в литературе: используя древнерусскую схему, Л.Н. Толстой обращается к героизму отдельных воинов (например, капитана Тушина во время Шенграбенского сражения), при этом противопоставляя «войну генералов» - «войне простого солдата». Е.А. Авдеева указывает, что «в «Войне и мире» этот конфликт развивается на основе антиномии Восток-Запад и близости/удаленности героя к толстовской идее «роевой» общей жизни» [\[5, с. 115\]](#). Наследуя традиции Толстого, М.А. Шолохов вносит в батальные сцены восприятие войны как болезненного, патологического состояния, которое не может рассматриваться как нормальное. Е.С. Макарова отмечает двойной ракурс описания сцен войны и восстания: «При описании батальных сцен Михаил Шолохов пользуется двумя

основными приемами: дистанцирование, при котором автор излагает события как документалист, изображая их как прошедшие, используя соответствующие глагольные формы, и погружение, при котором столкновение изображается изнутри и синхронически, более динамично и детально. Иными словами, мы видим и картины войны, где народ слит воедино, показан как неделимый организм, сражающийся за свою судьбу, творящий историю, и эпизоды борьбы личности (прежде всего, в главах, посвященных Вешенскому восстанию, это борьба генерала Григория Мелехова во главе повстанческой дивизии) один на один с противником, в которых реализуется показ войны изнутри» [\[6, с. 143\]](#).

Подводя итог анализу «Тихого Дона» в отношении изображения баталистики, П.В. Кукса признает этот роман вершиной отечественного изображения батальных сцен: «М.А. Шолохов унаследовал лучшие традиции величайшего классика мировой литературы – Л.Н. Толстого. Во многом следуя за автором «Войны и мира» автор «Тихого Дона», можно без преувеличения сказать, ученик превзошел своего учителя, представив баталистику на страницах романа значительно объемнее, образнее, ярче гениального предшественника» [\[7, с. 25\]](#). При этом П.В. Кукса отмечает исключительную физиологичность описаний в прозе Шолохова: он много говорит о смерти, о крови, физической боли и пр.

Исследуя традиции преемственности древнерусской баталистики у М.А. Шолохова, Е.А. Авдеева указывает на иную первопричину войны: если в древнерусской баталистике такой причиной становится клятвопреступление, нарушение тем или иным князем данной клятвы. У Шолохова же, вслед за традициями Толстого, Пушкина, Лермонтова, война воспринимается как некий эсхатологический, всеобъемлющий хаос: «Гражданская война, в сравнении с междоусобными войнами, изображенными в древнерусской литературе, также становится иной. Если в древнерусских текстах в междоусобицах всегда есть виновная сторона – князь-отступник, то в романе Шолохова такого категоричного разделения на правых и виноватых нет, так как поиск общей правды – задача несравненно более сложная, чем выявление клятвопреступления, становившегося официальным предлогом княжеских войн» [\[8, 153\]](#). Нашествие врага извне воспринимается в древнерусской литературе как наказание за грехи, за неправильную, несправедливую жизнь. К этой мысли опосредованным путем приходит и герой Шолохова Григорий Мелехов, проецирующий военный конфликт на свои семейные и личные проблемы.

В свете выявленной линии преемственности большой интерес представляет роман Михаила Елизарова «Библиотекарь», написанный в 2007 году, удостоенный в 2008 году премии «Русский Букер». Интерес к роману возрос недавно в связи с выходом одноименного сериала в 2023 году.

В романе «Библиотекарь» широко представлены батальные сцены в связи с так называемыми «сатисфакциями» – битвами библиотек и читален между собой. В фантастическом мире Михаила Елизарова особыми свойствами отличаются книги писателя Дмитрия Громова, чтение которых наделяет человека невероятной силой, властью, терпением и пр.

В мире людей, знающих о свойствах этих книг, принят своеобразный кодекс, регулирующий чтение книг и обладание ими в так называемых «библиотеках» и «читальнях». При этом люди, знающие о невероятных свойствах книг, периодически похищают их либо насильно отбирают нечестным путем, что провоцирует так называемую

сатисфакцию – бой между библиотеками, проводимый по определенным правилам.

В этом моменте художественного мира Михаила Елизарова можно увидеть первую отсылку к художественному миру древнерусской баталистики: первопричиной боя становится предательство, клятвопреступление, нарушение миропорядка и сложившегося закона. В соответствии с установленными правилами, бой осуществляется без применения огнестрельного оружия: противники используют кухонную и сельскохозяйственную утварь, чтобы в случае увечий и ранений можно было объяснить их врачам как бытовую травму. Самодельные копья и кольчуги, изготовленные участниками битвы, также отсылают к внешнему облику древнерусских воинов.

Одним из ключевых моментов романа является глава «Невербинская битва», в которой описывается битва между представителями библиотек и узурпировавшими одну из книг старухами, проживавшими в больнице. Книга наделяет их необыкновенной силой, и они на равных дают бой объединенным войскам нескольких библиотек. Автор прямо отсылает к Куликовской битве в описании дислокации войск: «Отряды коалиции были организованы примитивно, по образцу русских войск на Куликовом поле. В штабе сидели люди далекие от современной тактики, но, как выяснилось позже, довольно практичные.

Авангардом построения были сторожевой и передовой полки, состоявшие из читален. За ними располагался большой полк, укомплектованный дружинами шести библиотек, с боков его прикрывали полки правой и левой руки, в каждом по четыре сводных отряда. За большим полком укрывался клан Шульги, назвавшись запасным полком, а засадным полком в леске неподалеку стал отряд клана Лагудова, чья отборность в качестве войск была тоже относительной» [\[9, с. 54\]](#). При этом само описание дислокации, расположения войск и нанесения ударов отсылает к Л.Н. Толстому, который подробно повествовал о дислокации войск и направлении нанесения удара перед тем, как описывать непосредственно сражение: «В пять часов утра еще было совсем темно. Войска центра, резервов и правый фланг Багратиона стояли еще неподвижно, но на левом фланге колонны пехоты, кавалерии и артиллерии, долженствовавшие первые спуститься с высот, для того чтобы атаковать французский правый фланг и отбросить его, по диспозиции, в Богемские горы, уже зашевелились и начали подниматься с своих ночлегов» [\[10, с. 511\]](#). Подобный ход мысли повторяется у Елизарова и в описании сатисфакции: перед боем также дается описание места битвы и дислокации сил.

Главный герой «Библиотекаря», Алексей Вязинцев, не является сам непосредственным участником этой битвы, соответственно, описывает ее сухо и без включения непосредственных впечатлений с поля боя. «Формально все повествование представляет собой аналог записок героя, выступающего в роли летописца-хроникёра. Однако повествовательная структура оказывается крайне неоднородной: в начале романа при реконструкции истории создания громовского универсума возникает иллюзия безличного повествования, затем же она сменяется уже открытым воспроизведением точки зрения Алексея Вязинцева, раскрывающей процесс приобщения героя к громовскому миру» [\[11, с. 237\]](#).

«Сатисфакция», пережитая непосредственно самим героем, содержит физиологические описания смерти, отсылающие к традиции М.А. Шолохова: «Ползущего на четвереньках оглушенного подшипником гореловца страшным ударом цепы прибила к земле Мария Антоновна Возглякова, словно не замечая, что ее тычут ножом в бок и узкое лезвие на всю длину погружается в ватник.

Изогнулся в быстром выпаде Игорь Валерьевич, метя штыком противнику в беззащитный

низ живота. Лопата Вероники Возгляковой рассекла лицо наседавшему гореловцу.

...

Стальной футляр воткнулся прямо в основание затылка. Неприятно хрустнул разбитый позвонок. Марченко уже не полз, а, свалившись на бок, перебирал ногами, словно крутил невидимые педали» [\[9, с. 150 – 152\]](#).

Кроме того, перед описанием непосредственно самой битвы в тексте присутствует и упоминание А.С. Пушкина, хотя и не в контексте батальной «Полтавы»: «Каждый боец был в армейском бронежилете древнего образца и каске, поэтому гореловские смотрелись точно пушкинские морские богатыри, которые «равны, как на подбор» [\[9, с. 145\]](#).

Таким образом, в описании сражений за наделенные особой магической силой книги автор аккумулирует несколько ключевых отсылок к отечественной баталистике: начиная с древнерусского ратного дела, описанного в «Сказании о Мамаевом побоище» и «Задонщине», затем – к традиции А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и М.А. Шолохова. Также в контексте присутствуют отсылки и к другим батальным традициям – так, бой ведется по строгим правилам, за ходом сражения следят наблюдатели, в задачу которых входит отслеживание нарушения правил. Это указывает на отсылки к традициям гладиаторских боев, рыцарских турниров и сражений «потешных полков». Окончание сражения ознаменовано убийством библиотекаря, которое осуществляет сам главный герой, Алексей Вязинцев. В битвах библиотек и читален елизаровской вселенной действует своего рода дуэльный кодекс, причем в его русской версии: библиотеки бьются до полного уничтожения одной из них и/или до убийства библиотекаря. В европейской практике дуэль считалась состоявшейся, если каждый противник произвел по одному выстрелу (неважно, с каким результатом) [\[12\]](#). Русские дворяне по договоренности производили по несколько выстрелов вплоть до смертельного исхода и/или тяжелого ранения [\[13\]](#). Значимой отсылкой в тексте романа является и упоминание Великой Отечественной войны – несмотря на явное несоответствие масштаба сражений (в «Библиотекаре» сражение осуществляется в количестве сорок человек с каждой стороны), герои Елизарова вспоминают и о битвах, в которых принимали участие их деды и отцы: «Лично я перед боем обычно стараюсь песню вспомнить, лучше всего про Великую Отечественную войну, про героическую смерть – и сразу настроение подходящее, боевой дух просыпается» [\[9, с. 207\]](#).

Роман «Библиотекарь» написан в жанре фантастического реализма – во вполне реалистично обрисованной поздней советской действительности в 1990-х годах развивается история наделенных невероятной силой воздействия книг и людей, которые случайным образом испытали на себе их эффект. Ключевым предметом в этом художественном мире становится книга, и логично, что автор насыщает текст многочисленными аллюзиями к известным, хрестоматийным книгам. Бой при Невербино, описанный ретроспективно, и сатисфакция, в которой принимает участие Вязинцев, как бы аккумулируют в себя реперные точки известнейших литературных сражений и писателей-баталистов отечественной традиции. Это представляется логичным в свете глобальной метафоры романа – Книги как преобразующей человека силы, над которой не властна ни боль, ни смерть, ни память. Имплицитно присутствующая в описании битвы отсылка к дуэли также имеет значение в свете истории отечественной литературы – на дуэлях стрелялись А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, два последних погибли именно в результате поединка.

Соответственно, батальные сцены романа «Библиотекарь» следует признать своеобразной «точкой сборки» всех значимых военных конфликтов, представленных в отечественной литературе, и традиций их описания. В романе присутствует описание героизма отдельных участников боя, описание дислокации войск, физиологические описания мучений и смерти, имплицитные отсылки к дуэльному кодексу и боям гладиаторов и эксплицитные – к текстам песен о Великой Отечественной войне.

Библиография

1. Поташова К.А. Генезис образа ратного поля в поэтической баталистике периода Отечественной войны 1812 года. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 16. № 11. 2023. С. 3779-3784.
2. Цицинов А.Ю. Феномен военной журналистики в социополитическом дискурсе (XVIII – XXI вв.). Дисс. ... к.ф.н. М., 2022. 219 с.
3. Пушкин А.С. Поэзия. М.: АСТ, 2008. 816 с.
4. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 2. М.: Воскресенье, 2000. 404 с.
5. Авдеева Е.А. «Тихий Дон» М. А. Шолохова и «Война и мир» Л. Н. Толстого: аспекты преемственной связи в баталистике. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 1. С. 113-119.
6. Макарова Е.С. Батальные сцены в изображении верхне-донского восстания в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Национальный стиль русской литературной классики: Материалы VIII Межвузовской научно-практической конференции, Москва, 07 апреля 2022 года. М.: Московский городской педагогический университет, 2023. С. 139-148.
7. Кукса П.В. Деталь в батальных сценах романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Глобус: гуманитарные науки. 2019. № 3 (29). С. 21-25.
8. Авдеева Е.А. «Тихий Дон» М. А. Шолохова и традиции древнерусской баталистики. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 5. С. 151-155.
9. Елизаров М.Ю. Библиотекарь. М.: АСТ, 2023. 380 с.
10. Толстой Л.Н. Война и мир. // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3. М.: Лексика, 1996. 1040 с.
11. Ханов Б.А. Своеобразие функционирования советского дискурса в романе М. Ю. Елизарова «Библиотекарь» // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 2. С. 229-238.
12. Востриков А.В. Книга о русской дуэли. – Санкт-Петербург: Издательство им. И. Лимбаха, 1998. 275 с.
13. Дурасов В. Дуэльный кодекс. – Санкт-Петербург: Типография «Сириус», 1912. 126 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена традиционным чертам русской баталистики в романе М. Ю. Елизарова «Библиотекарь». Предмет исследования достаточно актуален. Изображение батальных сцен в отечественной литературе имеет давние традиции: «в свете публицистического, а впоследствии художественного освещения битв и сражений наследовалась соответствующая семиотика: конкретное сражение воспринималось не только как сакральное, религиозно значимое действие, но и как патриотически окрашенная победа русского войска, умения, боевого духа». Баталистика на

художественном уровне представляет идеи национальной идентичности, государственности, патриотизма. Следует отметить и возросший интерес исследователей к творчеству современного писателя Михаила Елизарова, особенно после экранизации в 2023 год его романа «Библиотекарь», написанного в 2007 году (в 2008 году роман удостоен премии «Русский Букер»). Интерес к роману возрос недавно в связи с выходом одноименного сериала.

Теоретической основой научной работы явились труды таких российских исследователей, как Е. А. Авдеева, К. А. Поташова, Е. С. Макарова, П. В. Кукса, А. Ю. Цицинов., Б. А. Ханов и др. Методология проведенного исследования в работе не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы в исследовании использованы общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительно-исторический и описательный методы, социокультурный и художественный анализ, а также метод дискурсивного анализа, который представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц, как и различных экстралингвистических аспектов.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) проследить традиции преемственности русской баталистики, начиная от древнерусских произведений: «Обычно в древнерусских произведениях акцентируется героизм отдельных воинов и скорбь о смерти погибших на поле боя. На протяжении XIV – XVIII веков описание сражений, как правило, наследовало паттерны, заложенные древнерусской литературой». Далее подробно анализируется специфика изображения баталистических сцен в литературе XIX века: «Подъем интереса к баталистике в литературе XIX века был связан с войной 1812 года, а также с обращением к более ранним военным конфликтам в связи со столкновением с войсками Наполеона». Традиционные черты русской баталистики установлены и в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»: «используя древнерусскую схему, Л.Н. Толстой обращается к героизму отдельных воинов..., при этом противопоставляя «войну генералов» - «войне простого солдата». Анализ баталистического дискурса романа М.А. Шолохов «Тихий Дон» показал, что «наследуя традиции Толстого, М.А. Шолохов вносит в батальные сцены восприятие войны как болезненного, патологического состояния, которое не может рассматриваться как нормальное». В свете выявленной линии преемственности автор(ы) особенно выделяют роман Михаила Елизарова «Библиотекарь», написанный в жанре фантастического реализма: в романе широко представлены батальные сцены в связи битвами библиотек и читален между собой.

Основываясь на результатах исследования, автор(ы) делают выводы о том, что «батальные сцены романа «Библиотекарь» следует признать своеобразной «точкой сборки» всех значимых военных конфликтов, представленных в отечественной литературе, и традиций их описания. В романе присутствует описание героизма отдельных участников боя, описание дислокации войск, физиологические описания мучений и смерти, имплицитные отсылки к дуэльному кодексу и боям гладиаторов и эксплицитные – к текстам песен о Великой Отечественной войне».

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена его вкладом в изучение литературной баталистики и в выявление традиционных черт русской баталистики в современном романе, а также возможностью использования его результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в подготовке спецкурсов студентам филологических специальностей.

Библиография статьи включает 13 источников, посвященных изучению аспектов преемственной связи в баталистике, традициям древнерусской баталистики, генезису образа ратного поля в поэтической баталистике периода Отечественной войны 1812

года, батальным сценам в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» и др., что позволило автору(ам) провести достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному восприятию материала. Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».